

УТРО

Семь часов. Солнце хоть и высоко стоит, но травы еще в росе. Радуга играет на листьях яблонь в Молодом саду, да и сами плоды, груда облепившие ветви, покрыты росой, как дымной изморозью. В усадьбе такая сторожкая тишина, что каждый новый звук, каждая картина на родившегося утра кажутся важными и значительными.

Перед Каретным сараем пахнут лошади. Описывает восторженные круги вокруг матери, старой белой кобылы, двухмесячный жеребенок. Возле Кучерской избы бродит на привязи лобастый теленок. Где-то в низине гогочут гуси, заливаются поет петух... Гармония. Красота.

Еще три часа до того мига, как усадьба враз наполнится людьми, как зашумят здесь толпы экскурсантов, каждое утро приезжающих сюда со всех концов страны и света. Еще три часа покоя.

Когда выпадает такое — видеть, что предстало глазу великого художника, ступить по земле, взлелеявшей его могучий гений, испытываешь, оказывается, и растерянность, и восторг: насколько полны величия, настолько же просты картины ясной и родной среднерусской природы.

Широкая тенистая дорога ведет в Старый Заказ, где завещал Лев Николаевич Толстой похоронить себя. Одинокий холм открывается с поворота, где склонилась над дорогой старая береза. Ни памятника, ни надписи. Но лишь в первое мгновение думаешь об одиночестве этой могилы, а потом приходит понимание ее органичной соединенности с лесом, травами, с самим воздухом, в котором, кажется, разлита могучая сила.

Времени нет. Есть миг вечности. «Весь мир, — писал Горький, — вся земля смотрит на него: из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для всех и навсегда!» Так есть и будет, потому что Толстой и его искусство принадлежат всему человечеству, потому что в каком бы уголке света ни жил человек, соприкоснувшись с книгами Толстого, он не может не задаваться вопросами, глядясь в самого себя, а кто ты? чем оправдаешь свое появление на земле?

Мир души великого писателя можно представить — его искания, метания, раскаяния, надежды, его бесконечная вера в торжество добра и справедливости — все открывается в произведениях Толстого, в дневниках, письмах. Мы совершаем паломничество на его родину, первополненные благодарностью к нему, помогающему нам понять самих себя. Но именно здесь мысли, высказанные им, становятся как бы и твоими.

«Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать и опять начинать и опять браться, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». Надо было прожить очень долго, чтобы открыть вот это: «Человек познает что-либо вполне только своей жизнью».

Прекрасно идти среди вековых лип и дубов в Чепыже, зная: этот уголок он любил. Здесь ему всегда хорошо думалось. Не потому ли, что он был сам частью природы, часы, проведенные наедине с нею, он считал лучшими в своей жизни...

Вдруг увидела. На сокрытой от посторонних глаз полянке костерок пляшет. А чуть подале пламенеет в косых лучах солнца мощный ствол дуба. Но хоть корни его по-прежнему крепко держат земля, его, скорее, скульптура, а не дерево — кроны нет.

Когда вечером мы придем сюда с Юлией Клементьевой Федоровой, заведующей отделом защиты зеленых насаждений — есть в Ясной Поляне и такая служба, — она расскажет, почему дерево решено сохранить для будущего. Оказывается, оно описано в «Анне Карениной». Кто не помнит, как Кити Левину застала гроза? Случай имел место в действительности. Под этим деревом однажды нашел в грозу Лев Николаевич Толстой свою перепуганную жену.

Мне покажут и другой памятник. Перенесен в Красный сад, поставлен на бетонный фундамент знаменитый вяз с колоколом, то самое «дерево бедных», у которого Толстого ждали по утрам крестьяне, странники, под которым он любил беседовать со многими друзьями и гостями своего дома. Когда вяз погиб, его бережно выкопали, а на его место посадили другой, но такой же формы.

Мысль о консервации деревьев, с которыми связана жизнь замечательных людей, возникла не только у нас, но и за рубежом. Однако до недавнего времени осуществлению ее мешало одно препятствие: не знали, как ввести в ткань дерева, стоящего на корню, необходимые антисептики. Способ нашел советский ученый Сергей Николаевич Горшин. Он вместе с работниками Сенезской лаборатории консервации древесины и забальзамировал оба исторических дерева...

еще неведомой, возникло просто хорошее чувство к тем людям, кто взял на себя задачу о сохранении всего, что связано с именем Толстого.

Припомним. С первых лет установления Советской власти усадьба стала предметом исключительного внимания со стороны правительства молодого Советского государства. 30 марта 1918 года, когда в стране царили голод и разруха, Совнарком издает постановление об охране имени «Ясная Поляна». А в июне 1921 года было опубликовано постановление ВЦИК о национализации Ясной Поляны. «...Как Дом-музей, со всей его обстановкой, — говорилось в историческом документе, — так и могилу Л. Н. Толстого, лес, ее окружающий, и другие посадки, парк, сад, экономические постройки на усадьбе и вообще весь внешний вид последней, поддерживать и сохранять их в историческом и неприкосновенном виде, восстанавливая то, что пришло в ветхость или было почему-либо разрушено...» По свидетельству В. В. Бонч-Бруевича, редактировал это постановление сам Ленин.

Через месяц исполняется 150 лет со дня рождения Л. Н. Толстого. Ясная Поляна готовится к замечательному юбилею. Отреставрированы, приведены в порядок многие мемориальные объекты — их 29 на территории усадьбы, занимающей 384 гектара, сделан капитальный ремонт в доме Льва Николаевича. У комнат тот вид, какой они имели в

Вещи сами могут рассказать о многом. Например, о том, как трудно жилось Толстому в этих проходных комнатах, где он не имел возможности спрятаться от докучливых, любопытных, придирчивых, ревнивых глаз. Кресло в кабинете было с тайником. Оно хранило письма Льва Николаевича к жене. На пакете Толстой написал: «Если не будет особого от меня об этом письме решения, то передать его после моей смерти С. А.». После смерти Толстого пакет был передан Софье Андреевне. Она сохранила одно из двух бывших в нем писем. В нем сообщалось о намерении уйти из Ясной Поляны.

Стул с подрезанными ножками напоминает, что хозяин дома, будучи близорук, не хотел пользоваться очками. Когда он что-либо писал, то сидел на этом низеньком стуле.

Две свечи на столе собственноручно погашены Толстым в ту ночь, когда он навсегда покинул усадьбу...

По дому гуляют запахи. Пахнут свежесмытые некрашеные полы, пахнет жасмин в вазах. Наверное, это случайная, необязательная мелочь в восприятии этих стен, но без нее ощущение дома было бы неполным.

Дон... дон... На верхней площадке лестницы, ведущей в анфиладу верхних комнат, бьют старинные «нортоновские» часы. Девять утра. И сразу переднюю заполнили первые экскурсанты. Но прежде, чем началось их движение, я услышала, какими словами

ученых, художников, сделавших экспозицию сплавом науки и искусства.

Ходили по залам с заведующей экспозиционным отделом Татьяной Николаевной Архангельской и Валентиной Александровной Лебедевой, заместителем директора музея усадьбы.

— Мы готовили экспозицию, постоянно помня, что ее назначение — возможно более полно и глубоко раскрыть как ясную, так и дающую представление о творческом процессе Толстого, — объясняли хозяйки. — Поэтому вы видите в залах настенные панно, пилоны, описанные по черкам Толстого. В разделе, посвященном педагогической деятельности Льва Николаевича, художники имитировали на дереве черновики набросков к «Азбуке», в той части выставки, где представлены материалы по «Войне и миру», мы таким же образом показываем его записки о Бородинском сражении... Это находка художника Ю. И. Антонова, и находка, на наш взгляд, очень удачная. По сравнению с прежней в этой экспозиции появились новые разделы: это «В. И. Ленин и Толстой», «Из истории Ясной Поляны», специальный стенд рассказывает о посещении заповедника Л. И. Брежневим...

Более 32 тысяч экспонатов насчитывают фонды Ясной Поляны. Можно себе вообразить, сколько тщательно отбирался каждый документ, каждая вещь, прежде чем они заняли место в витринах, на полках, на

Многое открылось в ходе беседы с С. Г. Буниным, директором музея-усадьбы, в процессе общения с людьми того, быть может, самого беспроблемного племени, которое зовется музейными работниками, но многое было и увидено.

В последние годы с чьей-то легкой руки в Ясную Поляну из Тулы стали приезжать на машинах, украшенных лентами, счастливые молодожены. Десятки пар в белых платьях, парадных костюмах — без этой ставшей достопримечательной детали не бывает субботнего заповедника. И можно было бы радоваться, что в свой самый знаменательный день они едут поклониться земле, одавшей мир Львом Толстым. Но как оценить такое? У священного места — могилы Толстого, где сама природа не смеет нарушить тишину, счастливая свадьба запечатлела себя для будущего семейного альбома. Некто Игорь перемахнул через зеленую ограду и, устроившись прямо за могилой, зычно скомандовал молодым: «Внимание, целуйтесь!»

Сопровождавшие юную чету друзья добавили к имеющемуся в руках молодоженов цветам свои букеты. При этом на землю полетели комки целлофановых оберток. Кто и говорит, это была живописная группа. Лихорадочно щелкал затвор фотокамеры, а минутой позже подыпавшая свадьба, распевая во все горло, благополучно удалилась восвояси.

Сцена исключительная. Не скрою, большинство из тех двенадцати пар, что прошествовали к Толстому за те полтора часа, что я пробыла возле его могилы, вели себя иначе. И цветы в руках были предназначены ему. И тем не менее это место и настроение свадеб находятся в кричащем противоречии.

Отметить рождение новой семьи посещением Ясной Поляны — дело, безусловно, хорошее. Но, наверное, не стоит в такой день идти именно сюда, ведь в лесу, в парке много прекрасных памятников, возле которых хочется постоять, задуматься о будущем. Собственно, с этого и должна начинаться любая жизнь — с раздумий, с любви к людям, к родной земле, с готовности самоотверженно служить им, сделать что-то нужное...

На опушке, где расходятся три дороги, стоит дерево. Вернее, два дерева — дуб и береза, прочно сросшиеся от самих корней. Выше березовый ствол обвивает сильный, стройный ствол дуба, а в поднебесье ветки их, переплетаясь, образуют единую крону. Почему бы молодоженам не проторопить, скажем, дорогу сюда, к дереву верности и любви?

...После того как опустили аллею, мы ходили с Юлией Клементьевой Федоровой по парку, и она рассказывала о своих заботах, по уходу за зелеными насаждениями. Все мемориальные деревья учтены, ученые следят за чистотой воздуха, которым они дышат, плембируются каждое дупло, каждая трещина, подрезаются засохшие ветви, ведутся систематические наблюдения за физическим и химическим составом почвы. На месте погибших сажаются новые деревья, наконец, самые знаменитые из них подвергаются консервации.

Но то и дело в ее речах прорывались тревожные ноты. В окрестностях Ясной Поляны развивается промышленность, в частности Щекинский химкомбинат, губительно действующий на деревья. Погибли старые ели на «прешпекте», елочки у «любимой скамейки», погибло в Чепыже 200 мемориальных дубов, и среди них тот самый — помните? — на полянке.

Да, очень многое делается для того, чтобы оградить Ясную Поляну от вредоносного воздействия промышленных выбросов. По рекомендации ученых между заповедником и химкомбинатом создана лесозащитная полоса, принимаются и другие охранные меры. Но пока они еще не дают нужных результатов...

И последнее, о чем хочется подумать. В самый разгар дня на крыльце дома Толстого мы беседуем с его хранителем — Верой Васильевной Ионочкиной.

— Теперь, когда ремонт закончен, — говорила она, — когда мы проверили все междуэтажные перекрытия, балки, какое-то время можно быть спокойными. Мы убедились: дом чувствует себя относительно хорошо. Но что будет дальше? Посещаемое все время растет, дом продолжает испытывать колоссальные перегрузки. И это несмотря на то, что делается все возможное, чтобы одновременно в нем находилось как можно меньшее число людей.

...В течение субботнего дня через комнаты Толстого прошло 60 экскурсий. Вспоминаю эти вечерние комнаты. Несмотря на раскрытые окна, воздуха в них не хватало, казалось, не люди, дом задышался. И накатило утреннее: запах свежесмытых полов, нежный запах жасмина...

Уезжала, когда в небе полыхал закат. Может быть, именно такой закат был увиден им, когда Толстому захотелось записать:

«Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, ясное увижу общие законы, необходимые для моего Отечества, но я не буду допристаивать любить его».

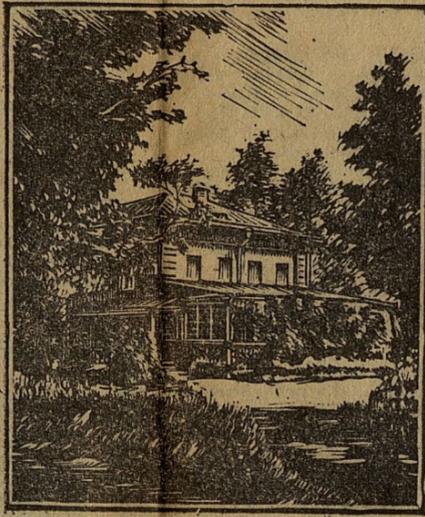
В. ПОМАЗНЕВА

Гравюры **А. МИЩЕНКО**

К 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

ЯСНАЯ ПОЛЯНА, АВГУСТ

Хроника одного дня

1910 году к моменту ухода Толстого. И все долгие месяцы, пока велась эта громадная работа, течение человеческой реки к Толстому, начавшейся при его жизни, не прекращалось ни на минуту: заповедник был открыт.

3174 человека побывали в Ясной Поляне в год, когда открылся музей. Сегодня мимо белых башенок при въезде в усадьбу проходят люди из числа пятого миллиона.

...Дочь Толстого — Татьяна собирала в домашнюю книгу все сведения о своей семье. Первым в ней стоял вопрос: «Где вы родились?». Лев Николаевич ответил так: «В Ясной Поляне на кожаном диване». Диван, на котором родились Толстой и почти все его дети, его любимый «кожаный, истертый», «оббитый медными гвоздиками» диван сохранился и стоит в доме, где писатель прожил больше 50 лет. А того, в котором началась великая жизнь, того большого трехэтажного дома с колоннами давно нет. О нем напоминает лишь памятный камень.

...Знакомый по многочисленным фотографиям, дом представлял, видимо, с той точки, с какой его неоднократно снимали, — веранда, увитая диким виноградом, дверь под навесом — все детали в подробностях узнаваемы. Женщины — музейные служители уже выносили к скамейкам корзины с матерчатыми тапочками, деловито набирали в ведро воду, несли из теплицы только что срезанные цветы...

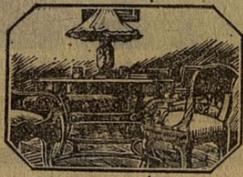
Потом буду приходить сюда снова и снова, слушать, как Николай Павлович Пузин, старейшина яснополянского музея, рассказывает посетителям о доме. Местные жители из Ясенок помнят его молодым, помнят, как он приехал сюда работать, как в 1944 году ставил по местам возвратившуюся из эвакуации мебель, как развешивал по стенам картины, как приводил в порядок библиотеку. Он был дружен с Сергеем Львовичем, старшим из сыновей Толстого, и от него унаследовал многие знания о яснополянском быте. Оказаться в доме, когда ведет экскурсию Пузин, — большая удача. Но всегда будет помнить именно первая встреча с домом. Что увидено прежде всего? Книги в передней. Книг тут великое множество, они во всех комнатах. Здесь более 22 тысяч томов на 35 языках народов мира. И на многих — аккуратные пометы, сделанные рукой Толстого. Есть справочный аппарат к собраниям сочинений Толстого. Просматривая его, не то что поражаешься, приходишь в смятение: кажется невозможным, чтобы один человек столько читал. А он не только читал, он регулярно, изо дня в день выписывал из книг интересные сведения, поразившие его мысли, даже составлял сборники «Мысли мудрых людей на каждый день».

С разрешения музейных служителей обошла комнаты. Кроме зала, они все маленькие, никаких случайных предметов обстановки в них нет — только самое необходимое.

встречают пришедших сюда людей:

— Этот дом видел много гостей. Сегодня ими станете вы...

ДЕНЬ

Обычная суббота. Обычная — значит, до отказа заполненная работой. Именно в выходные дни заповедник выдерживает наиболее сильный наплыв посетителей. Со стороны Симферопольского шоссе к усадьбе беспрерывно подкатывают легковые машины, автобусы с номерами десятков городов. По путевкам завкомов, месткомов, бюро путешествий в Ясную Поляну едут рабочие, студенты, колхозники, служащие едут иностранные туристы, заворачивают по пути к морю отпускники. Едут те, для кого встреча с Толстым душевно необходима, и те, кому еще только предстоит открыть его для себя... Все это шумное, пестрое, разноразное половецкое не переставая течет по «прешпекту».

Усилиями экскурсоводов поток разбивается на ручейки. И вот они уже струятся по аллеям и тропкам. Группы идут каждая по своему маршруту: одни — в «Клины», к «любимой скамейке», на берег Воронки, другие — в Старый Заказ, в дом Толстого...

Тем временем в фондах, в архиве, в библиотеке, во всех службах усадьбы рабочий день продолжается своим чередом. Ясная Поляна не только культурно-просветительный, пропагандистский, но и крупный научный центр. Здесь изучают жизнь, творчество, общественную деятельность гениального писателя, проводится научное описание богатейшей библиотеки Толстого, проходят Толстовские чтения, издается собственный печатный орган — «Яснополянский сборник»...

Толстой говорил, что цель человека открывать его произведения. Но нам интересно знать и то, как двигалась мысль писателя, как он работал. И что предшествовало акту творчества, в процессе которого действительность и жизненный опыт, соиздавая и переплавляясь в духовной лаборатории художника, становились фактами искусства?

Понять все это помогает литературный музей. В Ясной Поляне он открыт с 1928 года и находится в здании бывшей яснополянской школы. Школа эта, созданная Толстым, яркой страницей выписалась в историю русской педагогики... Почти пять лет в Ясной Поляне шла невидимая для непосвященных работа по созданию новой литературной экспозиции. И вот она завершена. 9 августа после перерыва вновь открыл свои двери литературный музей. Думаю, посетители по достоинству оценят усилия

стендах. Экспозиция называется «Толстой и Ясная Поляна», выстроена она по тематическому принципу, хотя, конечно, выдержана и хронологическая канва.

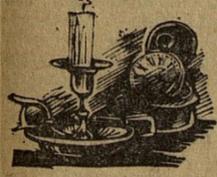
Пытаюсь представить, на что прежде всего обратят внимание люди, когда пойдут по музею. И теряюсь. Потому что на стендах только подлинники, уникальна каждая вещь, будь то бювар Толстого с вложенными в него листами рукописи, его коса с брусницей, портрет Марии Александровны Гартунг, дочери Пушкина, послужившей для писателя внешней моделью Анны Карениной, или вот этот карандашный набросок Л. О. Пастернака, на котором еще только поиск образа, еще только намечена поза князя Андрея, мы ее помним по классической иллюстрации «Первый бал Наташи».

Пожалуй, никогда ранее не приходилось видеть в таком вот концентрированном, овестьственном виде начало и результат труда одного человека. Толстой действует на нас как бы дважды: сначала — книгами, потом — примером собственной жизни.

В экспозиции есть еще один красноречивый раздел. Он рассказывает о шестии книг Толстого по всему миру. Но венчает эту коллекцию 90-томное собрание его сочинений, вышедшее в нашей стране. И над всем этим — слова Горького: «Книги его останутся в веках, как памятник упорного труда...»

В 1910 году Ленин писал: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот». Этот переворот совершила Великая Октябрьская социалистическая революция. Наследие Толстого стало достоянием каждого советского человека.

ВЕЧЕР

К пяти часам усадьба затихает. Когда вновь подошла к дому, его уже закрывали. В нескольких метрах от него музейные служители вывкали из матерчатых тапочек пыль, тучи неслились в воздухе, а перед дверьми стояли десятки расстроенных, не успевших попасть внутрь людей.

Если бы субботний день был прожит не в заповеднике, наверное, я разделала бы сполна горечь обиды этих туристов, которым так крепко было повезло. Но к вечеру на смену лирически-созерцательному настроению пришло чувство настороженности.